

подъ редакціей *С. А. Венгерова.*

№ 26.

Серія «Матеріалы для исторіи рус. общ. движенія». № 2.

М. К. ЦЕБРИКОВА.

ПИСЬМО КЪ АЛЕКСАНДРУ Ш.

Съ приложеніемъ написанныхъ для настоящаго изданія воспоминаній автора.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

«Центральная» Типо-Литографія М. Я. Минкова, 3-я Рождеств., 26.

1906.

Всякаго, кто ознакомится теперь съ нѣкогда столь нашу-мѣвшимъ письмомъ М. К. Цебриковой, поразить его чрезвычайная умѣренность.

Цебрикова ни единымъ словомъ не касается вопроса о несовершенствахъ самодержавія, какъ государственной системы, она вполне допускаетъ, что и самодержавіе можетъ спасти Россію, если только до монарха будетъ доходить правда, наконецъ, она съ глубокимъ уваженіемъ говоритъ о личныхъ качествахъ Царя.

И тѣмъ не менѣе лишь „шестой десятокъ“ спасъ писательницу отъ суровой кары, и ее сослали *только* въ глухой городшко Вологодской губерніи. По „закону“ ее ждала каторга.

Въ наши дни даже партія правового порядка выставляетъ болѣе радикальныя требованія, чѣмъ соотрудница радикальныхъ „Отеч. Записокъ“, въ наши дни даже военно-полевому министерству Столыпина не пришло бы на умъ возбудить преслѣдованіе противъ автора „Письма“.

Но въ томъ-то и трагизмъ русской жизни, что все уступки, которыя русское правительство дѣлаетъ русскому обществу, оно дѣлаетъ поздно. Не имѣя само ни малѣйшаго желанія отказаться отъ самовластья, оно знаетъ только одно неизмѣнное правило: не давать въ полномъ объемѣ того, что требуетъ данный моментъ. Въ видѣ *реакціоннаго* контръ-хода дали такія правила о печати, о которыхъ прежде и мечтать не приходилось. А когда, нѣсколько лѣтъ раньше, 114 представителей всѣхъ органовъ печати *просили* только всего, чтобы вмѣсто цензуры ихъ подчинили суду, просьбу презрительно вернули черезъ околдочнаго. Старика Бунакова сослали за заявленіе, что надо вернуться

къ реформамъ Александра II и выслушать „голосъ земли“. А черезъ 3 года, о иронія судьбы! были назначены строгія кары противъ тѣхъ, которые хотѣли помѣшать тому, чтобы собрался русскій парламентъ. И такъ далѣе, и такъ далѣе во имя лозунга Оффенбаховскихъ жандармовъ: nous arrivons toujours trop tard.

Несмотря на свою чрезвычайную умѣренность, письмо Цебриковой принадлежитъ, однако, къ замѣчательнымъ произведеніямъ русской публицистики. Всякое явленіе надо разсматривать въ исторической перспективѣ и съ точки зрѣнія того, сколько въ данномъ случаѣ вложено *почина*. Легко идти по протореннымъ дорогамъ, трудно ихъ прокладывать.

И вотъ почина-то въ письмѣ Цебриковой чрезвычайно много. Нужно вспомнить тотъ ужасный моментъ, когда письмо писалось. Это былъ кульминаціонный пунктъ Побѣдоносцевщины. Страшное, въ своемъ глубокомъ презрѣніи къ человѣческой личности, міросозерцаніе „великаго инквизитора“ давало окраску всей государственной жизни. Ничѣмъ не прикрытое свѣтогасительство, ничѣмъ не стѣняющаеся аракеевщина, подавленіе малѣйшаго проблеска общественности стали лозунгомъ всѣхъ органовъ власти, образованію и просвѣщенію была объявлена ничѣмъ не прикрытая война.

Но далеко не этимъ однимъ была страшна реакція, наступившая съ 1881 года. Еще страшнѣе было то, что реакція была не только бюрократическая, но и общественная.

Въ 80-хъ годахъ не только средній обыватель спрятался въ подворотню, но и произошла печальная перемѣна въ настроеніи самыхъ высокихъ духомъ слоевъ русской интеллигенціи. Крушеніе надеждъ путемъ активнаго воздѣйствія достигнуть осуществленія демократическихъ идеаловъ ведетъ за собою не только уныніе, но и разложеніе прежней демократической программы. Порывъ къ самопожертвованію, жажда правды, тоска по идеалу начинаютъ исчезать въ самой чуткой части русскаго общества—учащейся молодежи. Происходитъ характерная перемѣна въ распредѣленіи ролей между «отцами» и

«дѣтьми». «Отцы» 80-хъ годовъ, которые въ 60-хъ годахъ были «дѣтьми» и въ житейской борѣбѣ не растеряли идеаловъ молодости, высмѣиваются теперь своими «дѣтьми»—восьмидесятниками, «трезво» относящимися къ задачамъ жизни вообще и своей благополучной житейской карьеры въ частности. Отецъ-идеалистъ и сынъ грубый практикъ становятся излюбленными типами чуткихъ къ злобѣ дня бытописателей. Но что всего хуже, наступила полоса того, что, по имени крупнѣйшаго изъ лѣтописцевъ ея, можно назвать Чеховщиной. Полоса мрачной и безнадежной тоски, полоса полного нравственного банкротства.

Такимъ образомъ, народилось поколѣніе, часть котораго утратила самое стремленіе къ идеалу и слилось съ окружающею пошлостью, а другая часть дала неврастениковъ, нытиковъ, безвольныхъ, безвѣтныхъ, проникнутыхъ сознаніемъ, что плетью обуха не перешибешь, силу косности не сломишь.

И вотъ, если мы перенесемъ въ эту полосу всеобщей летаргіи, въ эту полосу мертвого штиля, мы и поймемъ, почему умѣреннѣйшее письмо Цебриковой получило крупное значеніе и имѣетъ опредѣленное мѣсто въ исторіи русскаго общественнаго движенія. Дальше мы узнаемъ, что въ соотвѣтствующей инстанціи былъ заданъ такой глубоко-характерный вопросъ: «а какое ей дѣло?» Въ этомъ недоумѣніи цѣлое міросозерцаніе. Обыватель долженъ повиноваться, разсуждать о благѣ государства не его «дѣло». А съ другой стороны, мы узнаемъ, что и близкіе автору письма люди находили ея затѣю наивнѣйшимъ и даже смѣшноватымъ донъ-кихотствомъ. Но для Цебриковой тутъ былъ «категорическій императивъ». Она физически страдала отъ невозможности обличить зло; она физически не могла не дать исхода своему негодованію, своей душевной мукъ. Въ этой рѣшимости, казалось, столь безсильной, старой женщины противопоставить свое ничтожное я волѣ могущественнѣйшаго повелителя земного шара было столько сознанія силы правды, что впечатлѣніе получалось огромное. Цебрикова вѣрила въ силу честнаго слова, въ неотразимость

безстрашно высказанной истины и эта вѣра сообщалась читателю. Именно своею умѣренностью письмо и производило впечатлѣніе. Ни одна краска въ немъ не была стусшена, ни одно обобщеніе не было искусственно подобрано. Все въ немъ была голая и тѣмъ именно страшная правда.

Появившись въ эпоху, когда казалось, что Побѣдоносцевщина съ одной стороны и дряблость Чеховщины съ другой свели къ нулю всякую общественную инициативу, письмо Цебриковой было однимъ изъ первыхъ проявленій того, что общество начинаетъ просыпаться, что ему «есть дѣло» до того, что Побѣдоносцевщина доводитъ родину до гибели. Эта первая зыбь была предвѣстникомъ могучихъ валовъ, которые черезъ 15 лѣтъ смыли вѣковые устои стараго режима.

С. Венеровъ.

Ваше Величество!

Законы моего отечества караютъ за свободное слово. Все, что есть честнаго въ Россіи обречено видѣть торжествующій произволъ чиновничества, гоненіе на мысль, нравственное и физическое избіеніе молодыхъ поколѣній, безнравіе избираемаго и засѣкаемаго народа—и молчать. Свобода—существенная потребность общества, и рано ли, поздно ли, но неизбѣжно придетъ часъ, когда мѣра терпѣнія переполнится и переросшіе опеку граждане заговорятъ громкимъ и смѣлымъ словомъ совершеннолѣтія—и власти придется уступить. Въ жизни единичной личности тоже наступаетъ минута, когда мучительный стыдъ быть, вынужденнымъ молчаніемъ своимъ, невольной участницей царящихъ неправды и зла, заставляетъ ее рискнуть всѣмъ, что дорого ей ради того, чтобы сказать тому, въ чьихъ рукахъ сила и власть, чье слово можетъ уничтожить такъ много зла и позора родной страны: смотри что ты допускаешь, что ты творишь, и вѣдая и не вѣдая.

Русскіе императоры обречены видѣть и слышать лишь то, что видѣть и слышать ихъ допустить чиновничество, стоящее стѣной между нами и русскимъ земствомъ, т. е. милліонами, не числящимися на государственной службѣ. Страшная смерть Александра II бросила зловѣщую тѣнь на Ваше вступленіе на престоль. Васъ увѣрили, что смерть эта была слѣдствіемъ идей свободы, разрослись которымъ дали реформы лучшей поры прошлаго царствованія, и вамъ внушили мѣры, которыми думаютъ отодвинуть Россію къ мрачной порѣ Николая I. Васъ пугаютъ призракомъ революціи. Да, революція уничтожающая монархію, есть призракъ въ настоящемъ. Послѣ катастрофы 1 марта у

самихъ царевъ не было ни малѣйшей надежды на созывъ своего учредительнаго собранія. Враги царскіе казнены, все подчиняется безмолвно монаршей власти. Въ силу какого же рокового недоразумѣнія правительство вмѣсто того, чтобы идти по пути реформъ, намѣченному въ лучшую пору правленія Александра II, уничтожаетъ реформы эти? Въ однихъ только законахъ, расширяющихъ права гражданъ, уничтожающихъ сословныя перегородки, открывающихъ народу широкій путь къ образованію и улучшенію быта его и заключается ручательство въ здоровомъ ростѣ Россіи.

Не реформы прошлаго царствованія создали террористовъ нашихъ, а недостаточность реформъ. Васъ отпугиваютъ отъ прогрессивной политики. Вамъ подсказываютъ политику въ духѣ Николая I. потому что первая грозитъ самодержавію министровъ и чиновничества, которымъ нужны безгласность и безправіе всей земли русской; потому что вторые застраховываютъ самодержавіе это, но только до той поры, когда земля сознаетъ себя совершеннолѣтней. Власть охмеляетъ: для исключительныхъ личностей, какъ покойный гр. Толстой, она нужна, какъ средство уродовать русскую жизнь на прокрустовомъ ложѣ теорій своихъ; для дюжинныхъ людей власть—мелкое, унижающее наслажденіе сознать себя выше земщины и самовластно распоряжаться ею; для негодяевъ власть средство безнаказанно обдѣлывать свои темныя дѣла. Самодержавіе, какъ огонь дробящійся на языки все болѣе и болѣе мелкіе по чиновничьей лѣстницѣ, спускающейся отъ царя до народа, даетъ помазаніе на самоуправство надъ стоящей подъ ступенями лѣстницы земщиной, на фактическую безнаказанность. Кары за превышеніе власти, за наглое грабительство, за неправду такъ рѣдки, что не вліяютъ на общій порядокъ. Каждый губернаторъ самодержецъ въ губерніи, исправникъ—въ уѣздѣ, становой—въ станѣ, урядникъ—въ волости. Прямая выгода каждаго начальника отрицать и прикрывать злоупотребленія подчиненнаго. Узда на всѣхъ самодержавцевъ этихъ случайная. Губернатора содержитъ кто нибудь изъ крупнаго дворянства, имѣющаго связи въ министерствѣ, при дворѣ

или мѣстный денежный тузь, аферами даюшій паживу, которою не брезгаютъ и высокопоставленныя особы; исправнику свяжутъ руки землевладѣльцы, дружащіе съ губернаторомъ; уряднику— тѣ изъ мѣстной земщины, которые нужны исправнику или ставовому. У народа нѣтъ связей, отводящихъ громы всѣхъ юпитеровъ этихъ, его рѣдко выручаетъ счастливая случайность; найдутся люди честные въ чиновничествѣ, которые не побоятся, что защита народа будетъ истолкована въ смыслѣ социализма, или найдутся въ мѣстной земщинѣ люди, способные вступить за поправленную правду и человѣчность. А если такихъ людей не найдется? Развѣ мало примѣровъ, какъ высшіе классы земщины въ стачкѣ съ чиновничествомъ грабили юридически народъ. Еще Александръ I сказалъ, что честные люди въ правительствѣ случайность и что у него такіе министры, которыхъ онъ не хотѣлъ бы имѣть лакеями. И жизнь миллионовъ всегда будетъ въ рукахъ случайности тамъ, гдѣ воля одного рѣшаетъ выборъ.

Вездѣ, гдѣ люди, есть зло; все дѣло въ мѣрѣ, въ большемъ или меньшемъ просторѣ для разгула его. Въ чемъ у насъ гарантія отъ произвола? Судебная власть иногда защищала обиравый и засѣкаемый народъ, признавала преступниками тѣхъ, которые вызывали протестъ негодующаго чувства правды и человѣчности, а не протестовавшихъ. Реформы Ваши урѣзали въ значительной долѣ судебную власть. Сопротивленіе незаконнымъ требованіямъ властей, когда онѣ въ стачкѣ съ кулаками отбираютъ у народа скотъ и землю, есть бунтъ противъ царя—и народъ мало по малу пріучается видѣть въ царѣ санкцію самоуправства. Теперь создается еще новая власть земскихъ начальниковъ, власть страшнѣе другихъ, потому что она не только исполнительная власть, но и частью судебная. Новые начальники отчасти замѣняютъ мировыхъ судей, въ которыхъ народъ имѣлъ все же хоть какую нибудь гарантію. Въ руки этихъ новыхъ самодержцевъ,—фактически они будутъ самодержцами для народа—отдано рѣшеніе дѣлъ маловажныхъ.

Знаете ли Вы, Ваше Величество, что какое нибудь маловажное дѣло въ родѣ ареста въ рабочую пору за неуплату нѣс-

колькохъ рублей, можетъ пустить по міру безбѣдно жившую крестьянскую семью? Мужикъ не отработаетъ во время за землю снятую у кулака, за выгонъ, пользованіе лѣсомъ, кулакъ взыщетъ свое съ жидовскими процентами и мужику не выбиться изъ мертвой петли. То что я говорю не сказки «печати народниковъ», какъ зовутъ наше слово лакеи Ваши, а сама истина. Ее подтвердитъ Вамъ каждый и не читавшій ни строки печати этой, если только знаетъ народную жизнь и не захочетъ солгать.

Упорно держался слухъ и, насколько можно судить изъ достовѣрнаго источника, что въ проектъ покойнаго министра Толстого не входило упраздненіе сельскихъ мировыхъ судей, что мѣра эта была исключительно дѣломъ Вашимъ, когда Вамъ доложили, что для государственнаго бюджета слишкомъ тяжелъ расходъ на содержаніе новой власти,—что мѣра эта смутила даже сторонниковъ проекта Толстого, но возразить Вамъ они не посмѣли. Если эти слухи вѣрны, то какъ же можно, Ваше Величество, не зная близко народной жизни, брать на свою совѣсть такую мѣру? Или Вы вѣрите, что помазаніе на царство несетъ съ собой и всевѣдніе божества?

Если бы Вы видѣли жизнь народа не по тѣмъ казовымъ концамъ, которые Вамъ выставляютъ на глаза во время повздохъ Вашихъ по Россіи, знакомились съ русскимъ народомъ не въ лицѣ однихъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, когда они въ праздничныхъ кафтанахъ подносятъ Вамъ хлѣбъ-соль на серебряныхъ блюдахъ, купленныхъ на собранныя гривны съ души, у которой подчасъ нѣтъ и копѣйки на соль и для которой чистый хлѣбъ—пряникъ про святъ день,—то Вы бы съ такою легкостью сердца не рѣшали бы мѣры, дѣлающія еще болѣе мучительнымъ лежащій на народѣ гнетъ. Если бы Вы могли, какъ сказочный царь, невидимкой пройти по городамъ и деревнямъ, чтобы узнать жизнь русскаго народа, Вы увидѣли бы его трудъ, его нищету, увидѣли бы, какъ губернаторы ведутъ войско пристрѣливать рабочихъ, не подчиняющихся мошенническимъ штрафамъ и сбавкѣ платы, когда и при прежней можно жить только впроголодь, выдерживая голодный тифъ, или

умирая отъ него; Вы увидѣли бы, какъ губернаторы ведутъ войско пристрѣливать крестьянъ бунтующихъ на колѣняхъ, не сходя съ облитой ихъ потомъ и кровью земли, которую у нихъ юридически грабятъ сильные міра. Тогда Вы поняли бы, что порядокъ, который держится миллионной арміей, легіонами чиновничества и сонмами шпионовъ, порядокъ, во имя котораго душатъ каждое негодующее слово за народъ и противъ произвола,—не порядокъ, а чиновничья анархія. Анархія своеобразная: чиновничій механизмъ дѣйствуетъ повидимому стройно, предписанія, доклады и отчеты идутъ своимъ определеннымъ ходомъ, а жизнь идетъ своимъ—и въ обществѣ, и народѣ не воспитано и не будетъ воспитано никакого понятія о законности и правдѣ. Общество и народъ видятъ надъ собой одинъ произволь и посредственно и непосредственно дѣйствующихъ рычаговъ и колесъ механизма.

Гласность суда урѣзана теперь чуть не до нуля. Преступленія по должности отнынѣ будутъ судимы тайно. Отнята у несостоящихъ на службѣ подданныхъ Вашихъ послѣдняя гарантія, ограждавшая ихъ отъ злоупотребленій власть имѣющихъ. Представители отъ общества въ родѣ городского головы и др.—не ручательство. Гдѣ же у нихъ найдется время вникнуть въ дѣло, при рѣшеніи котораго они призваны присутствовать; гдѣ ручательство, что у нихъ найдется гражданское мужество протеста въ тѣхъ случаяхъ, когда правдивое слово есть гражданскій подвигъ? Гарантія публичности и печати страшна, потому что на глазахъ міра не такъ легко кривить душой. Не разъ бывало прежде, что при скандальныхъ дѣлахъ, въ которыхъ замѣшаны сильные міра, печать получала отъ цензуры предписание молчать. Теперь нѣтъ суда передъ лицомъ русскаго міра, гдѣ каждый представитель земщины могъ бы видѣть, какъ охраняются интересы правосудія, когда права земщины попораны чиновничествомъ. Теперь безнаказанность произвола вполне обеспечена. Прямая выгода каждаго чиновника доказать несправедливость жалобъ на него и подчиненныхъ его и заявить, что все об-

стоит благополучно въ его вѣдомствѣ. Эта мѣра еще болѣе укрѣпляющая за чиновничествомъ характеръ опричнины.

Слухи ходятъ о личномъ характерѣ Вашего Величества, что Вы не терпите ложь. Какъ же Вы не поймете, что тотъ изъ чиновниковъ Вашихъ, кто противъ гласности въ судѣ и въ печати, тотъ находитъ свою выгоду во мракѣ и тайнѣ. Каждый честный человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, министръ или простой смертный, который не скажетъ: «вотъ вся моя жизнь, пусть меня судить мѣръ, грязныхъ пятенъ нѣтъ на совѣсти», — тотъ не можетъ быть честнымъ человѣкомъ. Васъ убѣдили доводами государственной необходимости; но правительство, прибѣгающее къ безнравственнымъ средствамъ, само роетъ себѣ пропасть. Васъ отпугиваютъ отъ гласнаго суда доводами, что гласность подрываетъ довѣріе общества къ правительству своими разоблаченіями, что и безъ того общество готово вѣрить всему дурному на счетъ лицъ, облеченныхъ властью. Если это такъ, то это доказываетъ одно: что горькій опытъ вѣковъ подорвалъ въ обществѣ довѣріе къ правительству и нравственное обаяніе его — и всего этого не воскресить ничѣмъ, потому что произволу нѣтъ оправданія. Тайна свидѣтельствуетъ о невѣрїи въ себя. Кто вѣритъ въ себя, тотъ свѣта не боится. Тайна нужна только тому, кто сознаетъ, что держится не нравственной, но одной матеріальной силой.

На сколько поколѣній еще хватить у правительства матеріальной силы, чтобы давить земщину въ угоду чиновничьей анархїи, это покажетъ будущее. Правительство дѣлаетъ все, что во власти его, чтобы раздувать общее недовольство и облекать въ плоть и кровь страшный призракъ революціи. Даже принимаемая имъ для популярности мѣры роковымъ образомъ приносятъ только зло, потому что основаны не на справедливости. Есть зло, надъ которымъ безсильна власть, и желаніе Генриха IV, чтобы у каждаго крестьянина варилась курица въ супѣ — мечта народолюбиваго монарха. Борьба между сытыми и голодными не разрѣшается указами. Но во власти каждаго правителя связывать или развязывать въ извѣстной степени руки,

вырывающія кусокъ хлѣба у голоднаго. Роль правительства быть регуляторомъ въ борьбѣ интересовъ, а не приносить одно сословіе въ жертву другому. Для новаго земскаго начальства не требуется никакого умственного ценза; дворянское происхожденіе признано достаточнымъ ручательствомъ, и каждый недоучка, митрофанушка, гонявшій голубей, можетъ, если у него есть связи, держать въ рукахъ жизнь десятковъ тысячъ крестьянъ. Власть, непосредственно дѣйствующая, самая страшная. Эта мѣра можетъ только еще болѣе раздуть затаенную вражду народа къ барамъ. Чтобы спасти дворянскій банкъ, въ которомъ, какъ того и ожидали при основаніи его, дворянство съумѣло только брать ссуды, а не уплачивать, правительство выпустило новый заемъ съ выигрышами; въ будущемъ и его уплатятъ, только усиливая налоги. Это мѣра, развращающая сословіе, пріучая его жить на счетъ массы, развращающая общество усиленіемъ ажіотажа, отвлекающая отъ промышленности капиталы; а это поведетъ за собой уменьшеніе заработковъ, такъ нужныхъ крестьянину, особенно въ выпаханныхъ полосахъ Россіи. И безъ того полиція высылаетъ на родину рабочихъ сотнями тысячъ, не находящихъ работы въ Петербургѣ. Крахъ дворянскаго банка только отсроченъ. Крестьянинъ, обрабатывающій землю своимъ трудомъ, можетъ платить отъ 5—7 процентовъ въ свой банкъ, при условіи постояннаго урожая; землевладѣлецъ, обрабатывающій ее наемнымъ трудомъ, не выдержитъ такого платежа и при нашей низкой заработной платѣ; урожай, понижающій цѣну на хлѣбъ, не выгоденъ для него. Сытый крестьянинъ не пойдетъ ни обрабатывать, ни возить хлѣбъ за безцѣнокъ. Дороговизна провоза хлѣба, обусловленная и плохими путями сообщенія, и порядками желѣзнодорожныхъ концессій и управленія, раззоряетъ производящаго хлѣбъ чужими руками. Новый заемъ не поднимаетъ дворянства. Имѣнія его будутъ дробиться, а оно нищать. Дѣлаются попытки привить права первородства, держать землю въ рукахъ рода, создаются заповѣдныя имѣнія. Но и Петръ I не могъ сдѣлать ничего въ этомъ отношеніи, и единичныя исключенія не измѣняютъ общихъ

условія. Если бы Вамъ удалось то, чего не могъ сдѣлать Петръ I въ ту пору, когда царь считался чуть не Богомъ, то создастся олигархія. Высшее дворянство не захочетъ быть игрушкой гнетущаго земщину произвола; честолюбіе его не удовлетворится немногими шансами попасть въ число главныхъ заправителей его и оно само потребуетъ своей доли въ произволѣ. И безъ всякаго права первородства бояре были страшны царямъ, вельможи XVIII и XIX вѣка императорамъ. Были примѣры смерти Петра III и Павла I. Если бы было возможно привить право первородства въ Россіи, то создастся новый революціонный элементъ въ обществѣ — младшія обездоленные дѣти. Это доказано исторіей Европы. Обездоленные потомки дворянскихъ родовъ будутъ сливаться съ демократическими сословіями и этого не отвратить никакими дворянскими банками.

Бѣдное дворянство наравнѣ съ другими сословіями раздражено послѣдними мѣрами министерства народнаго просвѣщенія, повышающими плату за ученіе и открывающими доступъ къ образованію и, слѣдовательно, къ государственной службѣ только достаточнымъ людямъ. И какъ много теряетъ Россія отъ того, что всѣмъ способностямъ, таящимся въ массѣ, нѣтъ доступа къ образованію. Всѣ мѣры министерства народнаго просвѣщенія имѣютъ цѣлью загасить просвѣщеніе. Студенты прикрѣпляются по округамъ и лишены права выбирать тѣ университеты, гдѣ читаютъ наиболѣе талантливые профессора. Открытіе университета въ Сибири пугаетъ. Это мѣры близорукой полиціи, а не просвѣщеннаго правительства. Еще спартанцы выкалывали глаза рабамъ ради того, чтобы тѣ, не развлекаясь, вертѣли жернова. Но въ XIX вѣкѣ, на порогъ XX, сомнительно, чтобы такія мѣры могли долго упрочивать порядокъ. Извѣстный циркуляръ министра Делянова, закрывающій гимназіи для бѣдняковъ и открывающій такой широкій просторъ произволу и взяточничеству директоровъ гимназій, далъ лишній козырь въ руки террористовъ.

Какіе уроки вынесетъ ребенокъ изъ школы, гдѣ гонятъ

бѣднаго брата? Онъ съ перваго шага изъ дома видитъ противорѣчіе правительства съ ученіемъ Христа. Онъ въ школѣ получаетъ уроки предательства. Въ гимназіяхъ есть шпионы. Такого растлѣнія школы не было и при Николаѣ I, несмотря на извѣстную записку Липранди. Преданіями корпусовъ передается фактъ, какъ Николай I назвалъ молодцомъ кадета, геройски вынесшаго варварскую порку за то, что не выдалъ товарища. Духъ многихъ гимназій таковъ, что матери, не имѣющія понятія ни о какихъ неблагонамѣренныхъ теоріяхъ, съ ужасомъ думаютъ о томъ, какъ отдать въ правительственную гимназію сына, честнаго и пылкаго мальчика, неспособнаго молча видѣть, какъ гонять бѣдняка-товарища, ни покорно выслушать приказъ фискалитъ и соглядатайствовать.

Умъ дѣтей калѣчится системою классицизма, которая не даетъ просвѣтительнаго, очеловѣчивающаго начала, какъ система Уварова при Николаѣ I, не любившемъ классицизма. Нынѣшняя система даетъ одну мертвящую долбню словъ и это въ такихъ пріемахъ, что для наиболѣе нужныхъ предметовъ не хватаетъ времени. Выдерживаютъ экзаменъ или необычайно талантливые и здоровые, или богатые, которые могли пользоваться частными уроками—доходной статьёй гимназическихъ учителей. Для бѣдныхъ—классицизмъ система изгнанія изъ училища. Семья, приносившей тяжелыя жертвы, чтобы воспитать сына, свою опору, возвращали недоучку, изломаннаго душой и тѣломъ. Бывали примѣры и страшнѣе. Юноша, чтобы не быть бременемъ семьи, кончалъ самоубійствомъ. Кровавыя жертвы не открывали глазъ правительству, оно приказывало молчать о нихъ. Въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» уже нѣсколько лѣтъ не печатаются болѣе цифры процента оканчивающихъ курсъ учениковъ классическихъ гимназій сравнительно съ процентомъ поступившихъ. Цифра такъ краснорѣчива и ее надо пополнить другой—цифрой искалѣченной духомъ и тѣломъ и озлобленной гимназическимъ порядкомъ молодежи, уходящей въ ряды революціонеровъ.

Пройдетъ благополучно гимназію юноша—и въ университетѣ

его ломаетъ та же система. Его, взрослога, подчиняютъ мальчишеской дисциплинѣ, и полиція бьетъ его, когда онъ не хочетъ подчиняться. Инспекторъ Болдыревъ, который вызвалъ въ московскомъ университетѣ исторію, испортившую жизнь сотнямъ учащейся молодежи, былъ боленъ хроническимъ менингитомъ, какъ то доказало вскрытіе мозга. Люди, знавшіе его прежде за человѣка мягкаго и порядочнаго, изумлялись его превращенію въ раздражительнаго и дерзкаго деспота. Хороша же система, при которой выходки сумасшедшаго считаются нормальнымъ проявленіемъ авторитета, законнымъ охраненіемъ порядка! Юноша видитъ въ храмѣ науки учителей, которые какъ Владиславлевъ, стали притчей во языцѣхъ нелѣпою книгою, доказывающею права человѣка на уваженіе цифрою его капитала и внушающихъ почтеніе къ императору цифрою его доходовъ. Юноша видитъ гоненіе на профессоровъ, признающихъ науку святыней, которую преступно урѣзывать по приказу государственной полиціи, и считающихъ позоромъ исправлять при учащейся молодежи должность полицейскаго сыщика. Въ послѣднее время покойный Орестъ Миллеръ, искренно-религіозный человѣкъ и вѣрнопоклонный, былъ лишенъ кафедръ за свою неспособность къ роли сыщика. Иллюзіи жизни, которыхъ гимназія не успѣла еще вытравить въ юношѣ, вытравляются университетомъ. Одинъ отецъ, защищавшій сына политическаго преступника, на упрекъ прокурора, что семья раститъ враговъ правительству, отвѣчалъ приблизительно такъ: «Мы отдаемъ въ школы правительства мальчика добраго, любящаго; школа возвращаетъ его намъ поломаннаго, озлобленнаго». Юношество, имѣющее средства, уходитъ учиться въ заграничные университеты и, конечно, сравненіе ихъ порядковъ съ нашими, не внушитъ ему любви къ послѣднимъ.

Ученый міръ Западной Европы замѣтилъ, что за послѣднее двадцатилѣтіе сильно понизился въ нашихъ представителяхъ науки не только уровень талантности, но и добросовѣтнаго отношенія къ наукѣ и человѣческаго достоинства. Бываютъ полосы урожайныя, но повальнаго неурожая во всѣхъ отра-

сляхъ знанія быть не можетъ. Замѣченный безотрадный фактъ есть прямое послѣдствіе систематическаго выпалыванья талантливаго юношества рудами государственной полиціи. Чѣмъ крупнѣе сила, тѣмъ менѣе она мирится съ гнетомъ. Чѣмъ сильнѣе въ юношѣ любовь къ знанію, тѣмъ менѣе можетъ онъ чтить науку, преподаваемую въ полицейскихъ цѣляхъ. Американецъ Кеннанъ, предубѣжденный противъ нашихъ революціонеровъ, былъ, при близкомъ знакомствѣ съ ними, изумленъ талантливостью и познаніями многихъ и могъ только жалѣть о странѣ, гдѣ гибнутъ такія силы.

Уцѣлѣвшая учащаяся молодежь, сохранившая желаніе добра, идетъ на государственную службу, неся гнетущее сознаніе, что и крупица добра, внести которую она жаждетъ, должна пропасть въ чиновничьей анархіи, что порядокъ, служить которому она призвана, въ сущности такая анархія. Молодежь вступаетъ въ практическую жизнь безъ необходимой подготовки. Умѣнье написать свою біографію по латыни было признано ручательствомъ способности быть напр. педагогомъ-воспитателемъ, судьей, заправителемъ жизни народа: Молодежь, уцѣлѣвшая, потому что не знала другого бога, кромѣ карьеры, будетъ плодить чиновничью анархію, насаждать сегодня, завтра вырывать насаждаемое по приказу начальства, вносить еще болѣе яда разложенія въ язвы, разъядающія родную страну. И эта молодежь, изогавшаяся и продажная, тоже на свой пай служить революціонной пропагандой.

Неуклонно принимаемыя мѣры для сокращенія числа учащейся молодежи обусловлены тѣмъ, что у насъ будто слишкомъ много интеллигентныхъ работниковъ, не находящихъ мѣсть и оттого плодятся интеллигентный пролетаріатъ, элементъ революціонный. Ваше Величество, загляните въ сравнительную статистику, которую такъ не любятъ охранители чиновничьей анархіи, и Вы увидите сколько на 1000 жителей приходится въ Европѣ врачей, учителей, акушерокъ, техниковъ всякаго рода, сколько школъ и больницъ всякаго рода тамъ, и сколько въ Россіи. А при рѣдкомъ; разсѣянномъ на громадныхъ про-

Цебрикова. Письмо.

странствахъ населеніи нашемъ, при плохомъ состояніи путей сообщенія, намъ нуженъ противъ Европы двойной и тройной процентъ на тысячу. Интеллигентный рабочій не находитъ мѣста, не потому что рабочихъ много, а потому что слишкомъ мало учрежденій, нужныхъ Россіи, и ихъ надо создать. Молодежь, конечно, понимаетъ настоящую причину ограниченія числа учащихся и это можетъ только усиливать непопулярность правительства.

Правительство одержимо боязнью допустить интеллигенцію къ народу. Молодежь, которой кровь страшна и которая хочетъ уплатить свой долгъ народу самыми законными путями: или уча его грамотности, азбукѣ культурности и гражданственности, начаткамъ знаній, такъ нужныхъ ему для улучшенія его быта, или выступая законными защитниками его противъ притѣсненій,—эта молодежь считается опасной. Бывало много примѣровъ, что, побившись нѣсколько лѣтъ и видя бесплодность усилій своихъ передъ стачкою мѣстнаго чиновничества съ кулаками, дворянами и не дворянами, попами-ростовщиками и шпионами,—дружною стачкою всѣхъ, кому выгодны невѣжество и беззащитность народа, молодежь въ отчаяніи уходила въ революціонеры.

Для народа признаны пригодными учителя недоучки. Учительскія семинаріи не готовятъ учителей, нужныхъ народу; а людямъ, чуждымъ всякихъ революціонныхъ цѣлей, если только они окончили курсъ въ университетѣ, запрещено быть народными учителями. Школа, которою заправляютъ невѣжды и недоучки, признана единственной пригодной для народа; народу земледѣльческому не даютъ понятія о природѣ; выпахиваемая первобытными способами земля истощается. Народу нужны заработки на сторонѣ, чтобы выправить подати, а у него нѣтъ ремесленныхъ школъ. Народу русскому не даютъ понятія о Россіи, и онъ, когда не у чего станетъ жить на родинѣ, идетъ зря за тысячи верстъ разыскивать теплыя воды. Народу не даютъ основательнаго понятія о законахъ страны, которую онъ кормитъ своимъ хлѣбомъ, а пунктъ нашего свода гласитъ, что

незнаніемъ законовъ никто отговариваться не можетъ. Едва ли одна десятая дѣтей народа учится въ школахъ; и еще не мало школъ закрываются попечителями въ родѣ графа Канниста, предъявляющими сельскимъ обществамъ приказы «поставить школы сообразно требованіямъ науки». Не смотря на смиренную просьбу сельскихъ обществъ сохранить имъ существующую школу, такъ какъ они, при всемъ желаніи, по бѣдности не могутъ исполнить волю начальства, училища были закрыты. Это значитъ сказать обутому въ лапти крестьянину: снимай ихъ и носи сапоги, — и онъ будетъ ходить босымъ.

Школы и учительскія семинаріи, устраиваемыя земствами, преслѣдуются не смотря на то, что земства не смѣютъ имѣть иныхъ программъ, кромѣ утвержденныхъ правительствомъ и во всякое время открыты инспекторамъ отъ правительства. Какъ ни малы крупинцы знанія, даваемые земскою школою, все таки онѣ крупнѣе и питательнѣе тѣхъ, какія даетъ церковно-приходская школа, учащая преимущественно псалтырю, — евангеліе на всегда одобряется школою. Дьяконы, которыхъ въ качествѣ преподавателей разослали по приходамъ, радѣютъ болѣе о своемъ участіи въ приходской землѣ, чѣмъ о школѣ. Школы эти не достигнутъ цѣли своей — поддержать православіе, не застрахуютъ крестьянъ отъ раскола, который народъ вывелъ изъ той же библіи и псалтыря. Школы эти не поднимаютъ авторитетъ духовенства, потому что оно ставитъ свой тарифъ на спасеніе души, потому что сельскій священникъ, исправно вносящій свою подать консисторіи, можетъ безнаказанно грабить народъ и въ стачкѣ съ полиціей избавиться доносами отъ каждаго ходока за народъ, ходящаго самыми законными путями. Учительница, акушерка, учитель или врачъ, которые посовѣтуютъ во время дифтеритной или сыпныхъ эпидемій не носить больныхъ дѣтей къ причастію въ трескучіе морозы, давать въ ность больнымъ крошкамъ молоко, лѣчить кликушъ и тѣмъ отбивать доходъ за заклинательныя молитвы, объяснять законы природы и разсѣвать мракъ суевѣрія.

несущій гроши въ приходскую казну, лишаются мѣста, хотя бы ни словомъ не колебали основы религіи. Приходскія школы отдадутъ безповоротнo элементарное образованіе народа въ руки безграмотныхъ отставныхъ солдатъ, выгнанныхъ за пьянство семинаристовъ. Духовенство, нанимая учителей, даетъ ничтожную плату, 3 руб. въ мѣсяць. Школа ускользаетъ отъ вліянія инспекторовъ, духовенство отвѣтственно только передъ своимъ начальствомъ, а оно—люди отрекшіеся отъ міра.

Народъ папъ бѣденъ. Крупный процентъ его живетъ впроголодь, и въ урожайную пору крупный процентъ народа ѣстъ хлѣбъ съ мякиной, берегая хлѣбъ посытнѣе для рабочей поры. Избы его—вонючія сырыя лачуги. Топить нечѣмъ. Подъ печкой пріютъ для новорожденныхъ телятъ, ягнятъ, домашней птицы. Болѣе половины дѣтей умираетъ въ раннемъ возрастѣ отъ плохой пищи матери, изнуренной работой, отъ родимчика—слѣдствія или слабости организма, или отравленія вреднымъ воздухомъ. Каждая эпидемія коситъ массу жертвъ. Иныя деревни поражаютъ малочисленностью дѣтей—зимой прошла косою своей оспа, корь. Брошенные безъ призора дѣти, пока мать на работѣ,—жертва нечастныхъ случайностей. Сифилисъ подѣдаетъ въ корни здоровье будущихъ поколѣній. У народа почти нѣтъ больницъ; число существующихъ ничтожно на миллионы. У безземельныхъ батраковъ, число которыхъ растетъ вслѣдствіе обнищанія крестьянъ, у городскихъ рабочихъ нѣтъ убѣжища подъ старость. Изживъ всѣ силы на работѣ, приходится умирать гдѣ придется—подъ заборомъ, въ придорожной канавѣ. Переселеніе народа съ выпаханной земли на плодородную устроено безобразно, если устройствомъ можно назвать средство наживы чиновничества. Послѣ мучительнаго пути въ тысячи верстъ, потративъ послѣднія крохи, переселенецъ нерѣдко находитъ свою землю занятою кулаками всякаго рода, которые воспользовались его незнаніемъ законовъ и надули посланныхъ впередъ развѣдчиковъ. Переселеніе стѣснено; съ уходомъ переселенцевъ дорожаютъ рабочія руки. Еще въ прошлое царствованіе штыками гнали обратно латышей, ушедшихъ отъ непосильной арендной

платы баронамъ. Всѣ лучшія земли въ краѣ, завоеванномъ кровью парода, всегда раздаются приближеннымъ царя, и онъ самъ беретъ себѣ львиную долю. Много ли оставлено удобной земли народу для колонизаціи въ новыхъ азіатскихъ владѣніяхъ? Одни пески. Нашъ громоотводъ отъ пролетаріата—государственныя земли расхищаются.

На школы и больницы, на устройство пріютовъ для дѣтей, брошенныхъ безъ призора пока мать на работѣ, богадѣлень для престарѣлыхъ безпріютныхъ работниковъ—нѣтъ средствъ. А находятся средства на массу непроизводительныхъ расходовъ: напр. пашлись милліоны на покунку Маринскаго дворца для государственнаго совѣта, имѣвшаго приличное помѣщеніе; тратятся милліоны на министерство двора, управление имѣніями царствующей династіи. И на это тратитъ народныя деньги только одно русское правительство: въ западныхъ монархіяхъ должность министра двора исполняетъ церемоніймейстеръ, а управление имѣніями царствующей династіи оплачивается доходами съ имѣній, не считается государственной службой и не ложится на государственную казну, т. е. народъ, который несетъ на себѣ главную тяжесть государственнаго тягла.

Лакеи Вашего Величества скажутъ Вамъ, что высказанное здѣсь—идеи нечестиваго Запада, но это идеи справедливости. Дающій болѣе получаетъ менѣе. Сибирь была завоевана и колонизована народомъ, а главная доля золота, добываемаго въ ней, идетъ не на нужды народа и даже не въ государственную казну: по количеству добываемаго золота, казенные пріиски занимаютъ третье мѣсто, первое принадлежитъ императорскому кабинету. Однимъ почеркомъ пера прадѣдъ Вашъ обратилъ собственность государственную въ собственность кабинета. Цензура запретила газетамъ печатать свѣдѣнія о количествѣ добываемаго золота. Чему служитъ запрещеніе это? Справедливости ли и истинѣ? Что подрываетъ запрещеніе это—кредитъ ли печати или кредитъ правительства?

Цензура наша ведетъ къ тому, что молодежь жадно кидается не только на то, что есть вѣрнаго въ подпольной и загра-

ничной печати нашей, но и на нелѣпости. Если гонять слово—значить бояться правды. Ваше Величество съ семействомъ своимъ едва не заплатились дорого за гоненіе на слово. Печать, обличавшая систему концессій, наживаться которою не брезгаютъ и высокопоставленныя лица, подвергалась преслѣдованію. Покойный графъ Толстой, по просьбѣ бывшаго министра путей сообщенія Посыета, приказалъ уничтожить обличительную брошюру, въ которой заключались вѣрныя свѣдѣнія. Цензура наша доходила до такихъ нелѣпостей, что, получивъ отъ Ш отдѣленія предписаніе обращать вниманіе на такого то автора, вырѣзывала изъ его книги дѣтскихъ разсказовъ вещи, уже напечатанныя въ подцензурныхъ изданіяхъ. Случалось, что московская цензура пропускала то, что запрещала петербургская и наоборотъ. Писатель—игрушка цензорскаго произвола и никогда не можетъ знать, какъ взглянетъ на его трудъ и въ какую минуту тотъ или другой цензоръ. Замѣчено только, что преслѣдованія сильнѣе передъ рождествомъ и пасхою—пора награды есть пора большаго усердія. Наконецъ, цензура дошла до геркулесовскихъ столбовъ—императоръ Александръ II оказался нецензурнымъ въ своей имперіи. Прессѣ было запрещено перепечатывать его рѣчь болгарамъ о конституціи.

Правительство признаетъ силу печатнаго слова, потому что субсидируетъ свою прессу и пропагандируетъ ее черезъ исправниковъ и становыхъ; если слухи вѣрны, то заграницей оно создаетъ органы агентовъ-нодстрекателей. Оно открываетъ объятія перебѣжчикамъ изъ оппозиціонной и революціонной прессы, —и ошибается въ расчетѣ на силу ихъ поддержки: слово предателя не можетъ имѣть силы слова искренняго убѣжденія. Цитовичъ, предпринимая изданіе офиціознаго органа, находилъ сотрудниковъ только среди бездарностей. Когда цвѣтъ мысли и творчества не на сторонѣ правительства, то это доказательство того, что создавшая его идея вымерла и оно держится лишь одной матерьяльной силой. Только живая идея можетъ вдохновлять таланты. Не печать создаетъ общее недовольство, печать только отголосокъ общественнаго настроенія. Призывъ къ рево-

люди безсилень тамъ, гдѣ народъ не задавленъ и не обобранъ, гдѣ законъ не маска, которою прикрываются сильные, чтобы давить слабыхъ. Печать гонять, когда она указываетъ на зло тѣхъ мѣръ, какими сильные міра, не зная жизни общества и народа, ломаютъ ее во имя теорій, измышленныхъ въ канцеляріяхъ и кабинетахъ своихъ. Послѣ сравнительно льготной поры, первое гоненіе на печать было поднято по вліянію гр. Толстого, бывшаго тогда министромъ просвѣщенія, и это за критику вводимой имъ системы классицизма. Самъ гр. Толстой, какъ утверждаютъ слухи и изъ достовѣрныхъ источниковъ, незадолго передъ смертію сознался, что былъ введенъ въ заблужденіе Катковымъ и что система эта принесла съ собою притупленіе ума учащихся. Одинъ человекъ, не занимавшійся никогда практически обученіемъ и воспитаніемъ, могъ вершить судьбы образованія десятковъ тысячъ юношества. Возвратитъ ли позднее сознаніе страшной ошибки даромъ загубленные годы и забитыя силы юношества? Воскреситъ ли тѣхъ, которые покончили самоубійствомъ, высушитъ ли слезы матерей и обратитъ ли проклятія ихъ въ благословія?

Опытъ прежнихъ царствованій и Вашъ собственный долженъ бы былъ показать Вашему Величеству, что внутренняя политика преслѣдованій не достигаетъ цѣли. Расколъ преслѣдуютъ со временъ Петра I и ранѣе, а онъ растетъ. Множатся рационалистическія секты, потому что мысль народа, въ лучшихъ представителяхъ его, переросла мертвую обрядность, въ которой держитъ его духовенство. Народъ ищетъ духа евангелія и отворачивается отъ буквы. Сельское духовенство оказывается безсильнымъ въ борьбѣ не только съ сектами въ видѣ штундистовъ или молоканъ, но даже съ дикимъ изуверствомъ скопцовъ, и защиту православія возлагаетъ на полицію и застѣнки тюремныя и монастырскіе. Придетъ пора, когда гоненіе за право мыслить и вѣровать по совѣсти будетъ казаться страшнымъ сномъ: гоненіе ведетъ къ тому, что пора эта придетъ въ заревѣ пожаровъ и дымящейся крови.

Гоненіе—лучшее средство вытравлять въ народѣ любовь къ

царю, т. е. къ его идеалу царя. Она ослабѣла, это замѣчено всѣми, помнящими пору Николая I. Народъ еще толпами бѣжитъ встрѣчать царя, но случается гораздо чаще, чѣмъ прежде, что полиція подсказываетъ ему: ура. Тогда «ура» сильнѣе и восторженнѣе рвалось изъ груди толпы. Масса народа вѣритъ еще, что зло не отъ царя, а отъ чиновничества. Его царь, наконецъ, увидитъ, что терпитъ народъ, вступится за обиды народныя и дастъ ему землю. Царь обмануть, если бы онъ зналъ! говорить народъ. Но сегодня и завтра обмануть, и здѣсь и тамъ обмануть, столѣтіями все обмануть! Эта роль вѣчно обманутаго подрываетъ обаяніе царя. Не на то онъ былъ помазанъ, чтобы быть вѣчно обманутымъ, какимъ же отцомъ народу будетъ онъ? вотъ выводъ, къ которому самодержавіе ведетъ народъ. И губернаторы, призывающіе войско пристрѣливать народъ, когда онъ на фабрикахъ не принимаетъ сбавки платы, которая его жизнь часомъ впроголодь, обратитъ въ непрерывную голодовку, или когда онъ, бунтуя на колѣняхъ, не сходитъ съ земли неправдою отнятой у него, — эти царскіе слуги приводятъ его къ такому выводу.

Въ интеллигентномъ обществѣ, въ чиновничествѣ вымеръ культъ царя, доживавшій послѣдніе дни въ началѣ крымской войны. Нельзя судить по придворнымъ, чья преданность такъ много зависитъ отъ подачекъ на счетъ народа, ни по постройкамъ храмовъ, учрежденію училищъ, стипендій и пр. въ память избавленія отъ катастрофы 17 октября. Въ основѣ многихъ жертвъ лежитъ паника: непринятіе участія въ подпискѣ есть оглашеніе себя неблагонамѣреннымъ; лежитъ расчетъ для иныхъ обойти препятствія, какія мраколюбивое чиновничество ставитъ каждому полезному предпріятію; для другихъ — расчислить себѣ путь къ монополіи, отличиться, получить кавалерію, такъ или иначе обдѣлать свои дѣла. Если вѣрить слухамъ, то министръ просвѣщенія, отставки котораго ждало раздраженное его мѣрами общество, остался на мѣстѣ, потому что нѣсколько учащихся юношей цѣловали руки Ваши по возвращеніи Вашемъ въ столицу послѣ 17 октября. Слѣдовательно, по мнѣнію общества,

эти знаки азіатскаго раболѣпія были сочтены за такую важную заслугу, что вполнѣ изгладили зло, нанесенное обществу знаменитымъ циркуляромъ.

Честные чиновники и офицеры, сыновья и внуки тѣхъ честныхъ царевыхъ слугъ, но не рабовъ, такъ искренно оплакивавшихъ смерть Николая I теперь служатъ не царю, а Россіи. Отцы и дѣды служили царю, видя въ немъ воплощеніе Россіи. Сыновья и внуки служатъ, подчиняясь со стыдомъ и скорбью, видя какъ порядки самодержавія уничтожаютъ девять десятыхъ пользы, которую они хотятъ принести. Они ищутъ чистыхъ должностей и не идутъ ни въ жандармы, ни въ государственную полицію. Крупный процентъ чиновничества самъ не вѣритъ въ прочность существующаго порядка, потому что во очію видитъ какъ далека отъ жизни чиновничья регламентація ея. Послѣ катастрофы 1 марта 1881 г. объятые паникой провинціальное чиновничество воображало, будто въ Петербургѣ политическій переворотъ и террористами созывается учредительное собраніе, о которомъ не мечтали и Желябовы. Наконецъ, чиновничество терпитъ отъ того же произвола и само и въ дѣтяхъ своихъ. Офицеры тоже ропшутъ; дисциплина фактически сводится къ тому, что старшій всегда правъ. Въ послѣдніе годы снова множится рѣдѣвшій типъ офицеровъ—дантистовъ, воскресаетъ прежнее палачество. Теперь снова, какъ въ пору Николая I, водятся офицеры, съ сознаниемъ своей правоты рассказывающіе о томъ, какъ они «дали въ зубы солдатамъ». На солдатъ дисциплина обрушивается съ удвоенной и утроенной тираніей. Сухановъ пытался бороться законными путями, вступаясь за обкрадываемыхъ и побиваемыхъ нижнихъ чиновъ—и кончилъ смертью террориста. Чѣмъ были порядки флота при Николаѣ I, я знаю хорошо: отецъ мой, вѣрный слуга царевъ, но не рабъ, не могъ равнодушно говорить о нихъ; и судя по слухамъ, они не далеко ушли впередъ отъ прошлаго. Масса чиновничества и офицерства—карьеристы, по приказу насаждающіе сегодня то, что завтра будутъ выпалывать, и наоборотъ, и всегда доказывающіе, что и насажденіе и выпалываніе на благо Россіи, по-

тому что на то есть высочайшая воля. Они сами отлично вѣдаютъ, что творятъ; но ихъ девизъ: хватить на нашъ вѣкъ и дѣтей нашихъ, а тамъ хоть трава не расти!

Верховная власть не можетъ руководиться такимъ девизомъ: на ней лежитъ отвѣтственность не только за настоящее, но и за будущее страны, на которомъ неизбежно отзываются всѣ мѣры ея. Намѣренное зло не можетъ входить въ цѣли ея; но самодержавный монархъ оказывается неизбежно отвѣтственнымъ за каждую кроху зла, творимую именемъ его. Онъ назначаетъ чиновничество, заправляющее Россією, онъ преслѣдуетъ всѣ отличенія зла, онъ оказывается солидарнымъ съ каждымъ губернаторомъ, по шемакински правящимъ краемъ, съ каждымъ монополистомъ, жирѣющимъ на счетъ народа, съ каждымъ офицеромъ—держимордой, съ каждымъ шпиономъ, по доносу котораго сошлютъ въ Сибирь человѣка, политически невишняго или виновнаго.

Во всѣхъ мѣрахъ правительства сказывается цѣль найти себѣ опору—это признаніе въ слабости. Оно ищетъ опору въ православіи; но религія, поддерживаемая полицейскими мѣрами, застѣнками—не опора. Охранители сами подрываютъ ее: Вотъ на выдержку одинъ фактъ. Истеричная, немолодая дѣвушка изъ московскаго титулованнаго семейства отправилась для исцѣленія къ тихвинскому источнику, была какъ бѣсноватая схвачена монахами, насильно выкупана въ источникѣ, заключена въ грязную келью и отъ заклинаній, изгонявшихъ бѣсовъ, сошла съ ума. Родные нашли ее въ ужасающемъ, отвратительномъ состояніи, и она вскорѣ умерла. Оберъ-прокуроръ синода не далъ хода жалобамъ родныхъ и замаялъ дѣло, «чтобы не подрывать религію», что конечно ведетъ только къ большому подрыву ея. Въ средѣ духовенства чиновничающаго и побирающагося, есть и люди честные, искренно проникнутые ученіемъ Христа; но эти люди считаются подозрительными, вольнодумцами: нужна не мораль Христа, а обрядность, какъ политическая мѣра. И не смотря на всѣ мѣры, присяга все болѣе и болѣе утрачиваетъ для простыхъ сердець религіозное обая-

ніе, и вѣра въ помазанника вымираетъ. Бѣлое духовенство озлобляется порядками консисторій и семинарій; изъ семинарій выходятъ самые крайніе отрицатели. Все, что есть честнаго въ духовенствѣ, видитъ всю ложь государственной системы, враждебной духу христіанства. Людей, исповѣдующихъ Христову мораль, людей любви и мира, которые, какъ Соловьевъ, напомнили гласно о христіанской заповѣди: не убій, когда полиція и рабы кричали: «убій!», преслѣдуютъ именемъ монарха, носящаго титулъ «благочестивѣйшаго».

Земство, помощь котораго призывало прошлое царствованіе, теперь лишается и прежнихъ крайне скудныхъ правъ. Благодаря земству, основано столько школъ и больницъ, сколько въ тройной періодъ времени не основало бы чиновничество. Тѣсный раіонъ самоуправленія, отмежеванный земству, урѣзывается отъ того, что стѣсняетъ произволь мелкихъ и крупныхъ са-траповъ. Бывали примѣры, что предсѣдатели получали секретное предписаніе отъ губернатора не выставлять именъ такихъ-то кандидатовъ; губернаторъ исполнялъ приказъ министра. Выборное право для веденія хозяйственныхъ дѣлъ земства, закономъ дарованное земству, попиралось по волѣ министра. Примѣръ неуваженія къ законности былъ поданъ имъ. На призывъ правительства о помощи въ борьбѣ съ террористами, земства нѣкоторыхъ губерній высказали свои желанія; въ нихъ не было ничего республиканскаго, были скромныя желанія конституціи; земство хотѣло гарантій отъ чиновничьяго произвола хотѣло, чтобы законы, управляющіе жизнь милліоновъ, не создавались по волѣ одного человѣка, выработанные чиновничьими комиссіями, изъ которыхъ рѣдкій членъ имѣетъ какое-нибудь понятіе о жизни русской и еще болѣе рѣдкій найдетъ въ себѣ мужество возразить противъ мѣры, проводимой министромъ, а еще менѣе — противъ одобренной свыше. Земство хотѣло свободы слова, уничтоженія административной ссылки, хотѣло гласности суда, неприкосновенности личности, права стѣзжаться для совѣщанія объ общихъ нуждахъ земствъ. Если въ настоящую минуту земство безмолвно подчиняется новымъ мѣрамъ,

еще болѣе урѣзывающимъ права его, то это не ручательство въ рабскомъ подчиненіи будущихъ поколѣній, вскормленныхъ затаеннымъ недовольствомъ отцовъ. Не умеръ Богъ въ душѣ людей! Сознаніе человѣческаго достоинства, правды будетъ рости и явятся не рабы подневольные, безмолвные, потому что они безсильны, — но граждане. Сила отпора копится медленно въ ряду поколѣній и наконецъ скажется. Исторія другихъ странъ даетъ уроки.

Люди слова, люди науки озлоблены, потому что терпится только слово лжи, рабски славословящее, распинающееся доказать, будто все идетъ къ лучшему, которому само не вѣрить; потому что нужна не наука, а рабская маска ея, а передержка научныхъ фактовъ для оправданія чиновничьей анархіи. Молодежь озлобляется, озлобляются даже дѣти.

Вся система гонить въ станъ недовольныхъ, въ пропаганду революціи даже тѣхъ, кому противны кровь и насиліе. За неосторожное слово, за первый подпольный и часто взятый изъ одного любопытства листокъ, юноша, ребенокъ — государственннй преступникъ. Бывали 15 и даже 14-лѣтніе государственные преступники, сидѣвшіе въ одиночномъ заключеніи. Правительству 100.000,000 страшны даже дѣти. У насъ ссылають на 12 и болѣе лѣтъ въ Восточную Сибирь и даже на каторгу за то, за что въ Австріи политическіе преступники отдѣлываются двухнедѣльнымъ арестомъ при полиціи. Въ Австріи не было 1 марта. Изломанная, озлобленная молодежь уходитъ въ красные. Миѣ кровь противна съ какой бы стороны ни лили ее, но когда за одну кровь даютъ ордена, а за другую веревку на шею, то понятно какая кровь имѣетъ для молодежи обаяніе геройства.

Рядомъ съ карами по приговору суда, у насъ существуетъ еще полицейски-административныя: послѣдними правительство отдѣлывается отъ враговъ своихъ, когда нѣтъ достаточныхъ уликъ для первыхъ. Но что же это, какъ не незаконный произволъ? Человѣка губятъ не на основаніи выясненныхъ доказательствъ его дѣйствій, но на основаніи «внутренняго убѣж-

денія» чиновъ государственной полиціи; а убѣжденіе это складывается на перехваченномъ и произвольно истолкованномъ письмѣ, потому что законной уликой для суда оно не могло служить:—по доносамъ шпионовъ, «мутномъ источникѣ» по признанію самихъ вышшихъ чиновъ. Приказы административной ссылки формулированы такъ: хотя пѣтъ достаточныхъ уликъ для осужденія по суду N. N., но онъ или она ссылается туда-то. Эти шемякинскіе приговоры перейдутъ къ потомству; говорятъ, будто подъ ними стоитъ подпись Вашего Величества. Сколько гибнетъ жертвъ! Охранителямъ Вашимъ выгодно раздувать каждое дѣло: это доказательство усердія, приносящаго чины, оклады и крупныя суммы на секретныя расходы, въ которыхъ отчетность невозможна. На суммы, поглощенные такою системою охраны, можно бы было въ иномъ случаѣ основательно улучшить бытъ народа и отнять у революционеровъ хоть одинъ поводъ упрекать правительство.

Политическіе преступники беззащитныя жертвы произвола, доходящаго до звѣрства. Самъ графъ Толстой ужаснулся бы, видя всю мѣру превышенія власти, грабежа и насилія, обрушивающуюся безнаказанно на несчастныхъ, когда изъ столицы отданъ приказъ о строгихъ мѣрахъ. Въ силу забѣганья каждаго низшаго чиновника передъ начальникомъ, желанія отличиться, паники быть заподозрѣннымъ въ сочувствіи къ политическимъ, если дать волю состраданію, каждый тюремный смотритель, этапный офицеръ, каждый сторожъ можетъ безнаказанно грабить, звѣрски бить и истязать арестантовъ, даже женщинъ. Чѣмъ ниже падаетъ камень, тѣмъ болѣе растетъ сила удара, и каждая репрессивная мѣра, спускаясь все ниже и ниже по лѣстницѣ чиновничества, увеличиваетъ въ прогрессіи свою губящую силу и падаетъ на беззащитныя жертвы. Жалобы оказываются бесплодными, и жертвы протестуютъ добровольной голодовкой или актомъ насилія, вызваннымъ часто припадкомъ сумасшествія. Всѣ мѣры устрашенія и исправленія, начиная административной ссылкой и кончая висѣлицей и разстрѣливаніемъ, не достигаютъ цѣли. Является, конечно, извѣст-

ный процентъ сломленныхъ и оподленныхъ ссылкой, но люди эти внесутъ только разложеніе въ общество и опорой власти быть не могутъ. Число политическихъ преступниковъ будетъ расти съ временными колебаніями, расти потому что воображеніе молодежи свыкается съ ссылкой, съ казнями, расти потому что въ корнѣ государственнаго порядка и общественнаго строя лежатъ причины, рождающія политическія преступленія. Правительство, охраняющее себя безнравственными средствами— административной ссылкой, сонмами шпионовъ, розгами, висѣлицей и кровью,—само учитъ революціонеровъ нашихъ принципу: «цѣль оправдываетъ средства». Тамъ, гдѣ гибнуть тысячами жертвы произвола, гдѣ народъ безнаказанно грабится и засѣкается, тамъ жгучее чувство жалости будетъ всегда поднимать мстителей.

Наконецъ, во имя чего, въ дѣйствительности принимаются всѣ мѣры стѣсненія и пресѣченія? Во имя чего задавлено слово, уничтожена гласность суда, задавлена кроха самоуправления и плодятся новыя власти — во имя ли мирнаго развитія Россіи, улучшенія быта народа, просвѣщенія общества, или самодержавія дома Романовыхъ, т. е. въ сущности для усиленія власти чиновничества, этой современной опричины? Хотя вѣка измѣнили форму, принципъ тотъ же: съ одной стороны опричина, съ другой безгласная, всевыносящая земщина. Злоупотребленія опричины сознавали сами цари: Александръ I, Николай I, Александръ II бесплодно пытались искоренить ихъ. Впрочемъ, всегда казнокрады подходили подъ манифесты, приносившіе политическимъ преступникамъ очень жалкое облегченіе участи. Вы сами, Ваше Величество, окажетесь безсильнымъ въ борьбѣ съ злоупотребленіями, если и осуществится учрежденіе суда, имѣющаго судить и министровъ: безсиліе неизбѣжно, потому что въ основѣ всѣхъ царскихъ мѣръ лежитъ все то же безправіе, все та же безгласность общества.

Внутренняя политика Николая I стоила дорого Россіи. Реформы Вашего Величества отодвигаютъ Россію назадъ къ этой мрачной порѣ. Горькіе уроки крымской войны заставили

Александра II въ концѣ 50 и началѣ 60 гг. измѣнить политику. Неужели нужны еще такіе же горькіе уроки, чтобы вывести наружу всю гнилость государственнаго порядка? Спасеніе только въ возвращеніи къ реформамъ отца Вашего и дальнѣйшемъ развитіи ихъ. Свобода слова, неприкосновенность личности, свобода собраній, полная гласность суда, образованіе, широко открытое для всѣхъ способностей, отмѣна административнаго произвола, созваніе земскаго собора, къ которой всѣ сословія призвали бы своихъ выборныхъ—вотъ въ чемъ спасеніе.

Мѣра терпѣнія переполняется. Будущее страшно. Если до революціи, ниспровергающей монархію далеко, то очень возможны мѣстныя пугачевщины, и вновь назначенное Вами земское начальство, которае еще лишнимъ бременемъ неудобноносимымъ ляжетъ на плечи сельскаго міра, сдѣлаетъ, чтобы вызвать ихъ болѣе, чѣмъ могли бы то сдѣлать революціонеры наши. Народъ будетъ привыкать къ крови. Честные граждане съ ужасомъ предвидятъ бѣдствія, которыя, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, несеть порядокъ опричины всевластной надъ земщиной—и молчатъ, но дѣти и внуки ихъ молчать не будутъ.

Вы самодержный царь, ограниченный законами, которые сами издаете и отмѣняете, ограниченный еще болѣе неисполняющимъ законы эти чиповиичествомъ, которое вы сами назначаете. Одно слово Ваше — и въ Россіи переворотъ, который оставитъ свѣтлый слѣдъ въ исторіи. Если Вы захотите оставить мрачный, Вы не услышите проклятій потомства, ихъ услышатъ дѣти Ваши, и какое страшное наслѣдство передадите Вы имъ!

Вы, Ваше Величество, одинъ изъ могущественнѣйшихъ монарховъ міра; я рабочая единица въ сотнѣ милліоновъ, участь которыхъ вы держите въ своихъ рукахъ, и тѣмъ не менѣе я въ совѣсти своей глубоко сознаю свое нравственное право и свой долгъ русской сказать то, что сказала.

М. Цебрикова.

Письмо М. К. Цебриковой къ Дж. Кеннану.

Дорогой М-ръ Кеннанъ!

Это письмо дойдетъ до Васъ, когда я буду уже въ тюрьмѣ. Посылаю Вамъ экземпляръ моего письма къ императору и считаю нужнымъ объяснить мотивы, побудившіе меня написать его. Нѣкоторые изъ моихъ друзей, предпочитающіе въ этомъ случаѣ посылку пули письму, называютъ мой поступокъ не нравственной оплеухой абсолютизму, которую я имѣла въ виду, а трепаніемъ его по щекѣ. Меня всегда звали „благонамѣренной“, потому что съ самаго времени Чернышевскаго и Михайлова я всегда была того мнѣнія, что наши революціонныя попытки были дѣломъ геройскаго чувства, но не политической мудрости. Наше правительство, хотя и распатанное нравственно, до сихъ поръ еще настолько политически сильно, что могло отвѣчать на каждую революціонную попытку реакціонными мѣрами, имѣвшими гибельныя послѣдствія для всей страны. Такъ было по крайней мѣрѣ послѣ 1862 года. Смерть Александра II привела къ . . . . . и . . . . . правительству Александра III. Какъ его отецъ ни искажалъ и ни отнималъ назадъ послѣ каждаго покушенія всего того, что самъ давалъ въ смыслѣ прогрессивныхъ реформъ, но, я увѣрена, онъ никогда не былъ бы способенъ на введеніе у насъ такихъ мелкихъ тирановъ, какіе созданы теперь, благодаря покойному Толстому. Какъ ни малы были привилегіи міра, они теперь раздавлены. Я всегда глубоко чувствовала стыдъ чловѣка, присутствовавшаго при всѣхъ безобразіяхъ торжествующаго зла и принужденнаго рабски молчать, а таково положеніе нашей литературы за ничтожными исключеніями. Вы не можете пони-

мать, какъ мучительно писать съ цѣпями цензуры на вашемъ мозгу, и въ то же время видѣть нашъ несчастный народъ и сознавать, что онъ будетъ еще несчастнѣе. Я много жила въ деревнѣ и знаю слишкомъ хорошо, насколько беззащитны крестьяне противъ этихъ новыхъ тирановъ. Величайшее горе русской жизни состоитъ въ томъ, что героизмъ въ ней встрѣчается только среди революціонеровъ. Съ тѣхъ поръ какъ я состою рядовой въ нашей оппозиціонной литературѣ, уже больше 20 лѣтъ, я напрасно пыталась организовать среди нашей интеллигенціи адресъ императору въ смыслѣ такого „письма“. Мнѣ всегда отвѣчали, что такой адресъ есть безумный шагъ, если только за нимъ не стоитъ цѣлая армія. Но для того, чтобы создать такую армію въ будущемъ (и такомъ далекомъ будущемъ, котораго нашему поколѣнію, людей за 50 лѣтъ, навѣрно не придется увидѣть) необходимо сначала имѣть сильное политическое общественное мнѣніе. Я глубоко убѣждена, что такой адресъ оказалъ бы нравственное вліяніе на наше правительство. Доказательствомъ этому мнѣнію служитъ тотъ фактъ, что нашимъ крупнымъ талантамъ позволялось писать вещи, за которыя простые смертные подвергались преслѣдованію: лѣтъ 15 тому назадъ наше правительство до нѣкоторой степени стыдилось Европы. И я ровно ничего не могла сдѣлать: у нашей интеллигенціи не оказалось нравственнаго мужества.

Мое письмо къ императору будетъ разослано во все органы нашей прессы, и я возвращаюсь домой, чтобы покориться своей участи, съ надеждой, что я показала примѣръ, которому послѣдуютъ. Когда я пыталась убѣждать нашу молодежь не идти по пути крови и динамита, мнѣ отвѣчали: „Все вы пишете то, что вамъ позволяютъ и берете за это деньги, вотъ и все!“ Посѣщая друзей, заключенныхъ въ тюрьмахъ, я всегда чувствовала угрызенія совѣсти и спрашивала себя: „вотъ они страдаютъ, почему же я ничего не дѣлаю?“ Друзья говорятъ мнѣ, что мой поступокъ — напрасное безразсудство, что я рѣшаюсь заплатить слишкомъ дорого за ничтожный результатъ. Но развѣ есть мѣры и вѣсы для нравственнаго вліянія?

Если бы у меня былъ талантъ Герцена, я осталась бы здѣсь и стала бы бороться, хотя и здѣсь эмиграція причиняла бы мнѣ постоянное страданіе. Жить можно только на своей собственной почвѣ и со своими людьми. Я убѣждена, что продолжай я еще въ теченіе 20 лѣтъ повторять, по необходимости слабѣе и слабѣе, то, что я уже сказала въ печати, моя работа никогда не могла бы оказать такого вліянія, какъ это писъмо. Не честолюбивое желаніе играть роль заставляетъ меня дѣлать это. (Я упоминаю о честолюбіи, потому что друзья, старавшіеся отговорить меня, приводили этотъ доводъ, что мой поступокъ будетъ перетолкованъ въ смыслѣ подвига Герострата). Мои личные мотивы—это право раба протестовать; но, конечно, однихъ личныхъ мотивовъ было бы недостаточно; это походило бы на того японца, который всаживаетъ себѣ въ животъ саблю, чтобы избѣжать безчестья. Я глубоко сознаю свой долгъ русскому народу. Мы, люди привилегированныхъ классовъ, пользуемся привилегіями, потому что онъ терпитъ лишения, и я плачу ему свой долгъ. Мнѣ говорятъ, что я должна копить свою энергію для того дня, когда нашъ народъ призветъ революціонную партію; многіе изъ здѣшнихъ эмигрантовъ живутъ этимъ счастливымъ самообольщеніемъ. Никакая революція невозможна въ Россіи, и не будетъ возможна еще много лѣтъ и десятковъ лѣтъ. И я прямо говорю—я боюсь революціи, боюсь крови. Я могу умереть, но не помогать смерти. Если бы нашимъ краснымъ удалось какимъ нибудь чудомъ вызвать революцію, я, конечно, пошла и умерла бы въ ихъ рядахъ, стараясь уменьшить ея зло. Наше правительство дѣлаетъ для вызыванія ея гораздо больше, чѣмъ могутъ сдѣлать всѣ наши красные вмѣстѣ. Извѣстно ли Вамъ, что Стефановичъ въ своей пропагандѣ въ Малороссіи пользовался именемъ императора, называя себя царскимъ эмиссаромъ, который хочетъ, чтобы народъ помогъ ему противъ чиновниковъ и дворянства?—Надѣюсь, Вы поймете мои мотивы—они русскіе.

По всей вѣроятности, это писъмо будетъ послѣднимъ, кото-

рое Вы получите отъ меня, и я кончаю его съ чувствомъ глубокой и искренней благодарности за все то, что Вы сдѣлали для нашихъ сибирскихъ ссыльныхъ и заключенныхъ въ Сибири.

Марія Цебрикова.

19-го января 1890 г.

И з ъ б ы л о г о .

По просьбѣ редакціи «Библиотеки Свѣточа», сообщаю что припоминается объ обстоятельствахъ, при которыхъ письмо было написано.

При допросѣ товарищъ прокурора жандармскаго управленія спросилъ меня: «Неужели же вы думали, что изъ за вашего письма будутъ реформы?» Я отвѣчала, что такая мысль ни на мигъ не пришла въ голову. Иные практическіе политики изъ конституціоналистовъ отозвались, что письмо это фейерверкъ. Покойная Е. И. Конради, крайняя, которой я читала письмо въ рукописи, сказала, что оно имѣло бы смыслъ, если бы за нимъ стояла 200,000 армія. Отзывы сходны изъ разныхъ точекъ. Но я все же видѣла смыслъ и въ единичномъ протестѣ. Личность задавленная, какъ вообще русскіе и въ особенности русскіе писатели той поры, имѣетъ нравственное право протеста, не только за всѣхъ, за кого она мучилась, но и за себя одну. На мою долю выпадала столько преслѣдованій цензуры, что я спрашивала съ удивленіемъ покойнаго Елисеева, почему такъ не преслѣдуютъ другихъ, у которыхъ и больше моего эрудици и таланта. Елисеевъ, посмѣиваясь, отвѣчалъ, что тамъ лучше разобрали и что духъ у меня очень *богамъ противный*. Не бѣда, когда вычеркивали подпись подъ статьей, а когда зловѣщія красныя чернила оставляли только лохметья. Это «кровь проливалась», какъ сказалъ Некрасовъ. Проработавъ такъ безъ малаго четверть вѣка, я чувствовала себя въ положеніи клячи, которая надрывается, таща свой возъ по болоту. Минутами ощущалось: дальше такъ не могу. Теперь заднимъ числомъ все сознается явственно.

Была и другая причина, вполне сознанная тогда съ перваго уже года зачисленія меня въ ряды писательской братіи. Я хотѣла видѣть въ ней болѣе гражданскаго мужества. Я не говорю объ отдѣльныхъ личностяхъ, передъ которыми преклоняюсь, но я находила, что цѣлая корпорація могла бы не да-

вать такъ себя давить. Я предлагала протестъ или въ видѣ адреса Александру II, или общаго уговора къ назначенному дню напечатать такія статьи, что или закрывай всё газеты и журналы, или измѣняй порядки. Иные смотрѣли на меня какъ на сумасшедшую. Только одинъ профессоръ, нынѣ изъ сановниковъ, сказалъ мнѣ: вы украли мою мысль. Елисеевъ посмѣиваясь, отвѣчалъ: «если-бъ еще уговорились, то къ назначенному дню есть такіе, что пустятъ самую благонамѣренность, и останутся одни, когда прихлопнуть другихъ». Это покорное ярмо писательскаго рабства душила нестерпимо, душила необходимость увертокъ, намековъ, эзоповскаго языка. И я повторяла строки стихотворенія Виктора Гюго: «Если будетъ тысяча, я одинъ изъ нихъ, будетъ сто, будетъ десять, я одинъ изъ нихъ; и десяти не будетъ—пусть буду я одинъ».

Реакція шла своимъ путемъ, калѣчились реформы, гибла молодежь. Я принимала участіе въ партійномъ Красномъ Крестѣ. Случилось, не прибавляю, что дней 10 сряду кто нибудь: жена, мать, невѣста, сестра приходили просить похлопотать, указать путь; или кипучій юноша, проклиная, передавалъ о вынесенныхъ оскорбленіяхъ и душевныхъ пыткахъ его родныхъ. Меня просили написать статью для подпольной прессы о политической тюрьмѣ и ссылкѣ. У меня былъ матеріалъ—2 толстыя тетради переплетенныхъ писемъ отъ заключенныхъ и ссыльныхъ. Я читала исповѣди измученныхъ душъ. То было время тираніи Плеве, директора департамента полиціи. Судя по всему слышанному, не было другого такого мастера вымучивать то, что ему было нужно психологической пыткой. Онъ зналъ всё отношенія семейныя, сердечныя и пыталъ на этой сторонѣ; прибавьте къ этому самое наглое надувательство. Рассказывали массу фактовъ, возмущавшихъ людей самыхъ мирныхъ, и люди науки, въ ней одной видѣвшіе прогрессъ, удивлялись, какъ его не застрѣлили въ годы, когда было много политическихъ убійствъ. Въ душѣ копилась жажда крикнуть на весь русскій міръ: смотри, что творять и что ты терпишь!

Главнымъ поводомъ къ моему письму было слѣдующее: я всегда

боялась крови и находила, что Россія слишкомъ дорого платится за развитіе революціоннаго дѣла выпалываньемъ лучшихъ всходовъ молодыхъ поколѣній. Я удерживала молодежь отъ краснаго знамени и, конечно, теряла 50, а то и 75 процентовъ популярности. Но иначе поступать я не могла, тѣмъ болѣе, что годъ отъ года все болѣе и болѣе ощущался вездѣ и во всемъ понижавшійся уровень ума, порядочности. Всего болѣе жалѣла я о дѣтяхъ, отданныхъ на гибель педагогамъ-чиновникамъ. Крупный процентъ уходилъ въ революціонеры, но большинство выходило людьми, непригодными для жизни, изломанными оподляющей школьно-чиновничьей рутинной. Меня зачисляли горячія головы въ разрядъ благонамѣренныхъ. Кенанъ передалъ мнѣ этотъ отзывъ. Меня мучило, что меня могутъ смѣшивать съ гасильниками. Чтожъ что противное свидѣтельствовала моя 25 лѣтняя работа? Развѣ не привыкли читатели къ тому, что писатель только «пописываетъ, а читатель почитываетъ». И несмотря на мучившее меня чувство, иначе говорить съ молодежью я не могла. Жизнь становилась все душнѣе, лучшія молодыя силы уходили въ снѣга Сибири, а на обыденную работу мирнаго прогресса оставались умственные и нравственные оборыши. Видѣть и слышать все долѣе не стало силъ. Явилось чувство, что я буду считать себя опозоренной, если буду дальше молчать. Мелькнула мысль написать царю письмо. Это былъ единственный исходъ для меня.

Я не хотѣла печатать въ Россіи—слишкомъ часты были аресты, открытіе типографій. Нѣсколько лѣтъ раньше мнѣ не выдали заграничный паспортъ, уже не знаю почему, и я придумала фикцію о томъ, что ѣду въ Америку читать лекціи о русской литературѣ. Къ тому же надо было указать причину продажи всѣхъ вещей и изданій. Я обманула всѣхъ друзей и знакомыхъ, за исключеніемъ покойнаго Лесевича, котораго я просила спрятать мои билеты. Я ожидала суда за оскорбленіе величества и хотя и до сихъ поръ, какъ и тогда, не поинтересовалась справиться въ судебныхъ уставахъ, чему я подвергалась, но смутно опасалась, что конфискують мои сбереженія.

Въ Севастополѣ меня продержали съ недѣлю, не выдавая заграничнаго паспорта. Открылось тамъ какое то дѣло, какъ мнѣ въ канцеляріи градоначальника сказалъ одинъ сердце-вѣдъ, вида средняго между восточнымъ человѣкомъ и жуликомъ, пронизывая меня пытливымъ грознымъ и глупымъ взглядомъ. Я пригрозила телеграммой въ Петербургъ. На пароходѣ несносное безконечное разглядыванье паспорта. Наброски письма я провезла въ ящикѣ съ табакомъ, оклеивъ дно и стѣнки бумагой, за которой были спрятаны листки.

Въ Парижѣ, кромѣ Конради, я сказала двоимъ знакомымъ, у которыхъ надо было навести справки о типографіи. Они мнѣ присовѣтовали печатать въ Женевѣ у Элпидина. Я осталась въ Парижѣ. Въ Женевѣ не было ни друзей, ни родныхъ, въ октябрѣ не было ни горнаго, ни винограднаго сезона; ѣхать туда значило бы ѣхать прямо въ руки шпіоновъ. Элпидинъ тянулъ мѣсяца два печатаніе письма и брошюры «Тюрьма и ссылка» (или «Тюрьма и Каторга»). То были два мѣсяца тревоги. Я столько слышала о чиновникахъ парижскаго почтамта на службѣ у русскаго посольства, что трепетала за корректуры. Къ довершенію тревоги взорвало какія то бомбы или снаряды, которые изготовляли русскіе и генераль Селиверстовъ былъ застрѣленъ въ отелѣ. Въ Парижѣ наѣхало много полицейскихъ агентовъ изъ Россіи, и къ тому еще хозяйка отельчика въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ я остановилась, радостно объявила мнѣ, что она теперь становится популярной среди русскихъ. Я была третьей изъ русскихъ, жившихъ у нея. Вдругъ она получаетъ телеграмму отъ русскаго полковника приготовить лучшую комнату. Я наострила уши. Вообще телеграммами не заказываютъ себѣ комнаты въ дешевенькихъ гарни. Полковникъ прожилъ дня три—четыре; мы встрѣтились съ нимъ на лѣстницѣ и обмѣнялись взглядами, говорившими: я знаю, кто ты. Вскорѣ хозяйка съ огорченіемъ объявила мнѣ, что бравшій комнату на мѣсяць полковникъ уѣхалъ по спѣшному дѣлу. Корректуръ не было въ эти дни; наконецъ, печатаніе кончилось. Я просила Элпидина выслать мнѣ

50 экз. письма и 20 брошюръ. Больше, при моей толщинѣ, я не рисковала провезти па себѣ. Эльпидинъ не зналъ автора брошюры и экземпляры были безъ титула, подписи и съ нѣмой обложкой. Онъ выслалъ въ конвертахъ по нѣсколько буквъ всей азбуки шрифта и ручнымъ штемпелемъ я отпечатала мою подпись подъ письмомъ и брошюрой. На границѣ я убѣдилась, что за мной слѣдили. Жандармскій офицеръ подозвалъ таможеннаго чиновника, которому я подавала ключи, пошепталъ ему что то, указывая на меня, и чиновникъ возвратилъ мнѣ ключи, не открывъ чемодана. Я везла съ собой изданія только для разсылки въ Петербургъ. Для разсылки въ Москвѣ и по провинціальнымъ редакціямъ я, по совѣту людей-практиковъ, заказала отпечатать бандероли съ бланками разныхъ обществъ научныхъ, промышленныхъ, торговыхъ и, по увѣдомленіи изъ Петербурга о разсылкѣ, изъ Парижа должны были отправить брошюры по редакціямъ.

Съ 9 утра до 7 вечера я развезла по всѣмъ редакціямъ обѣ книжки и ни охрана, ни товарищъ прокурора не повѣрили, что я одна могла это сдѣлать, но помощниковъ у меня не было, а силы явились. Я опустила письмо въ Парижъ на имя жены одного бывшаго члена коммуны; она занималась штопаньемъ кружевъ и подъ вымышленнымъ именемъ я извѣщала, что образчики кружевъ приняты и потому надо отправить заказъ по указанному адресу.

Эльпидину я оставила письмо, въ которомъ открывала секретъ авторства и поручала завѣдующимъ русскою библіотекою въ Парижѣ взять оба изданія и продавать для покупки научныхъ книгъ. Но это не было исполнено.

Письмо къ царю я отдала швейцару генерала Рихтера, завѣдующаго комиссіей прошеній. Въ конвертѣ на его имя былъ вложенъ конвертъ съ письмомъ и брошюрой, адресованнымъ на имя императора Александра III. За мной слѣдили, не скрываясь, и я съ перваго дня пріѣзда въ Петербургъ замѣтила лица слѣдившихъ; когда меня возили въ часть снимать фотографію, я узнала двухъ агентовъ. Я боялась, чтобы не арестовали

до сдачи письма, и когда дѣло удалось, почувствовала, что хоть на этотъ мигъ сорвала душившія меня дѣпи.

Наслѣднику, нынѣ царствующему императору, я послала письмо по городской почтѣ.

Удалось мое дѣло, полагаю, потому что полиція мнѣ давала «гулять», ища больше концовъ и нитей.

Арестовала меня охрана. Единственнымъ понятымъ былъ конторщикъ Знаменской гостинницы (противъ Московскаго вокзала) гдѣ я остановилась, чтобы не встрѣчать знакомыхъ. Добрый человѣкъ трепеталъ отъ страха и чуть не плакалъ отъ жалости, глядя на меня. Я сказала полковнику, конечно, ради понятого: «ну что, ваши грозы безсильны убить мысль. Мой предокъ Княжнинъ потерпѣлъ за стихъ: «Самодержавіе всѣхъ бѣдъ содѣтель», а дядя мой, Николай Цебриковъ сидѣлъ въ Алексѣевскомъ рavelинѣ въ вѣрности, и когда поднималась вода въ Невѣ, окна закрывала вода. А за что сидѣлъ? За то, что хотѣлъ свободы всему русскому народу». Полковникъ, сверкая дѣланно глазами и грозя пальцемъ, прокричалъ понятому:

«Если хоть слово отсюда выйдетъ, сгною въ тюрьмѣ, мѣста нигдѣ не найдешь!»

Понятой блѣднѣлъ и трепеталъ.

И не смотря на всѣ грозы властей, это стало извѣстнымъ. Встрѣтись лѣтъ черезъ шесть-семь въ Крыму съ однимъ знакомымъ, который хотѣлъ повѣрить подлинность того, что было въ «легендахъ», ходившихъ о моемъ арестѣ, я услышала отъ него версію, очень походившую на то, что было. Конечно, понятой, не смотря на весь трепеть, по секрету передалъ коекому видѣнное и слышанное. Когда полиція вышла изъ номера, позвавъ горничную, которая должна была помочь мнѣ одѣться, понятой, остававшійся послѣднимъ, замѣшкался и сталъ совать мнѣ въ карманъ лежавшія на столѣ карты пасьянса, шепча: «Берите, берите, *тамъ* соскучитесь». Было ли это сочувствіе на почвѣ гражданскаго чувства, или просто сродная русскому человѣку жалость къ «несчастной»?

И въ «охранѣ», и въ жандармскомъ управленіи меня ловили на числѣ развезенныхъ брошюръ, допытываясь, не свезла ли я

куда' еще и скрываю. Я отвѣчала, что не намѣрена никого покрывать, ибо покрывать значить компрометировать. Помнится, у издателя газеты «День» былъ сдѣланъ обыскъ; онъ сказалъ, что не получалъ, а я твердо помнила, что отвезла. Развозя по 30—40. адресамъ, можно, конечно, забыть мелкія редакціи, тѣмъ болѣе, что къ концу почти каждаго года являются неизвѣстные спекуляторы, которые, заручившись именемъ съ нѣкоторою извѣстностью изъ наивныхъ или покладистыхъ писателей, выпускаютъ нѣсколько номеровъ и затѣмъ исчезаютъ съ подпиской. Но въ «Днѣ» я прежде работала.

При вопросахъ мнѣ сказали, что, въ виду моего возраста, я могу спросить себѣ больничный номеръ, который удобнѣе. Но свиданія въ больницѣ стѣснены присутствіемъ надзирателя и я предпочла остаться гдѣ была; свиданія давались за рѣшеткой въ общей залѣ.

Недѣли черезъ 2 стали приходиться ко мнѣ «съ воли» и приносили вѣсти о письмѣ. Говорилось: надѣлало шуму, свои поняли. Нашлись и такіе, что приписывали Геростратовскимъ побужденіямъ. Конради, сильно возстававшая противъ письма, пыталась отговорить меня, предсказывая такой отзывъ. Но наше поколѣніе перешло на другой берегъ съ стараго подъ градомъ насмѣшекъ, осужденій, и если въ молодости не испугалось людского суда, то ужъ на 6 десяткѣ считаться съ такимъ судомъ было немислимо. Говорилось, что ко мнѣ отнесутся такъ мягко, какъ никто не ожидаетъ. Главное я узнала, что *онъ* прочелъ письмо.

О мягкости приговора мнѣ сказалъ и товарищъ прокурора, почему-то вообразившій, что я смотрю «трагически» на исходъ. Собственно трагически я не смотрѣла, ибо не видѣла худшаго трагизма, какъ жить все такъ же, какъ жила. «Мы преслѣдуемъ только молодыя силы, которыя намъ долго могутъ вредить, а въ ваши годы ваша пѣсенка спѣта». Откровенное признаніе прямо заявляло, что между правительствомъ и нами война и что законность, какую прикрываютъ мѣры противъ политическихъ—маска. Прокуроръ прибавилъ, что я должна быть благодарна

за административный судъ, потому что приговоръ окружного не былъ бы такъ милостивъ.

Мнѣ говорили за рѣшеткой, что такимъ приговоромъ я во многомъ обязана заграничнымъ газетамъ. Въ редакціи большинство номеровъ приходили замазанные черной краской. Заграничную рекламу я отчасти сама заранѣе подготовила, не имѣя этой цѣли въ виду, да и теперь не вѣрится, чтобы иностранная пресса могла повліять на Александра III. Тогда царилъ духъ русской самобытности. Къ иностранной прессѣ прислушивались въ иную, лучшую пору.

Я боялась, чтобы меня не арестовали на границѣ и тогда письмо мое не дошло бы до императора. Изъ Парижа я послала въ Берлинъ письмо Брандесу съ просьбой огласить его въ Даніи. Упорно ходили слухи, что датскій король постоянно сообщалъ Александру III все, что печаталось стоящаго вниманія о Россіи въ датской прессѣ. Съ тою же цѣлью я послала все и въ Италію Де-Губертатису, съ которымъ прежде приходилось обмѣняться письмами по поводу его изданія словаря европейскіхъ писателей. Послала и Кеннану. Всего болѣе объ огласкѣ постаралась заграничная братія. Случалась оплошность и отзывы иностранной прессы проходили цѣликомъ.

И изъ слышаннаго тогда и позже я пришла къ неутѣшительному выводу: иностранцы не считали мое дѣло безуміемъ, какъ считали иные соотечественники изъ такъ называемыхъ консерваторовъ нашихъ, ибо на своемъ вѣку я не видала консерваторовъ чего-либо иного, кромѣ удобнаго мѣста за общественнымъ пирогомъ. Европейцы невосточные выросли въ понятіи неприкосновенности личности и слѣдовательно протестъ задавленной личности не казался чѣмъ-то чудовищно-небывалымъ, какъ казался въ Россіи.

Въ Ярославлѣ, гдѣ я остановилась проѣздомъ въ ссылку и гдѣ у меня было довольно шалочныхъ знакомыхъ изъ чиновничьяго круга сестры, я могла по остолбенѣнію, чтобы не сказать ужасу, какіе вызывала встрѣчи со мной на улицѣ, заключить о томъ, какъ понимается въ тѣхъ слояхъ общества протестъ

личности. Иныя дамы, забывая всю комильфотность, оставались и, вышучивъ глаза, смотрѣли мнѣ вслѣдъ. Иные мужчины откидывались назадъ, какъ нервныя дамы, и оглядывались, куда бы юркнуть въ сторону, чтобы не поклониться. Это дало мнѣ мѣру ихъ пониманія свободы личности. Но отъ нихъ нечего и ожидать. Теперь, когда пишу это, мнѣ напрашивается на перо воспоминаніе о протестѣ, который затѣвали писатели послѣ высылки Шелгунова и Михайловскаго въ Выборгъ и который не состоялся, между прочимъ, и потому, что набралось всего 40 подписей. Тогда французскій писатель и сотрудникъ въ русской прессѣ, Жакляръ, нашель, что 40 подписей очень хорошо и во Франціи произвели бы впечатлѣніе.

Въ ссылку письма приносили мнѣ вѣсти о томъ, какъ было принято письмо Александромъ III. За вѣрность ручаться нельзя, упоминаю тѣ, которыя всего чаще повторялись и шли отъ людей, имѣвшихъ связи въ придворной средѣ. Передача была, какъ удостовѣряли, точная. Когда градоначальникъ Грессеръ, допрашивавшій меня въ вечеръ ареста и потомъ поѣхавшій во дворецъ съ обычнымъ докладомъ, доложилъ объ арестѣ и письмѣ, императоръ расхохотался и сказалъ: «отпустить старую дуру». Потомъ прибавилъ, что теперь мнѣ нельзя жить въ одномъ городѣ съ нимъ. Когда письмо было привезено въ день доклада прошеній генераломъ Рихтеромъ, то царь, какъ увѣряли, отложилъ его и самъ позже прочелъ и, замѣтивъ, что въ немъ много правды, надъ моею подписью карандашемъ написалъ свой приговоръ: «ей то что за дѣло?» Передавали еще отзывъ царя. Желая быть справедливымъ, онъ сказалъ: «Это видно, что отечество свое она все таки любитъ».

Судя по инымъ слухамъ, письмо не раздражило царя и я отдѣлалась-бы высылкой изъ Петербурга, еслибы не одна цитата, вызвавшая сильную злобу. Цитата была единственная и это не въ письмѣ, а въ моей брошюрѣ: «Въ тюрьмѣ и ссылкѣ». Цитата была взята изъ «Таймса», по поводу извѣстной якутской бойни и казней, вызвавшихъ общій крикъ негодованія въ Европѣ. Смыслъ ея былъ тотъ, что монархи Европы должны сдѣлать

представленія русскому императору за то, что онъ, будучи христіаниномъ, нарушаетъ завѣтъ Христа, допуская такія звѣрства и играетъ въ руку революціи, роняя ими монархическій принципъ.

Много лѣтъ спустя, я слышала отъ человѣка авторитетнаго и хорошо освѣдомленнаго, что императоръ спрашивалъ разбившую мое дѣло комиссію, нельзя-ли меня запереть въ монастырь. Но въ концѣ XIX вѣка эта карательная мѣра московскихъ царей противъ строитивыхъ была признана невозможной.

И тогда, и позже черезъ многіе годы, когда рѣчь заводили о письмѣ, я спрашивала о томъ, какое впечатлѣніе оно произвело въ обществѣ. Отзывы были сходные: впечатлѣніе было радостное. У иныхъ выражалось и то досадливое чувство, какое является при мысли: зачѣмъ мнѣ не пришло на умъ. Разбросанная въ дальнихъ спѣгахъ молодежь изъ знакомыхъ, читая письмо, смѣялась и говорила: «насъ то удерживала, а сама на старости лѣтъ не стерпѣла».

О впечатлѣніи, въ бюрократіи я могла судить только по словамъ вологодскаго губернатора, давно умершаго. Пригласивъ меня къ себѣ, полагаю болѣе изъ любопытства, онъ выразилъ и, какъ мнѣ показалось, вполне искренно, свое глубокое удивленіе, какъ это лицо «изъ общества» могло пойти на такое дѣло. Вѣроятно онъ считалъ обществомъ только лицъ извѣстныхъ классовъ. Въ порывѣ негодующаго изумленія онъ проговорился: «и представьте, есть люди очень высокаго положенія, которые вамъ сочувствуютъ»,—и закусилъ себѣ губу. Онъ позволилъ мнѣ отдыхать въ Вологдѣ до перваго парохода, предупредилъ о столкновеніяхъ молодежи съ исправникомъ въ Яренскѣ, куда онъ меня посылалъ, и въ заключеніи сказалъ, что если что будетъ нужно, я могу ему писать.

Яренскъ это худшій изъ трехъ сѣверо-восточныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи, и вообще имъ предпочитаютъ уѣзды Западной Сибири и по климату, и потому что политическіе ссыльные не живутъ подъ тѣмъ остракизмомъ, какъ въ Яренскѣ, гдѣ начальство строго запрещаетъ мѣстному обществу знакомства

съ ними. Человѣкъ не злой, губернаторъ назначилъ Яренскъ, потому что большая часть ссыльныхъ кончала свои сроки и, какъ я послѣ узнала, была бумага изъ Петербурга назначить меня въ тѣ уѣзды, гдѣ менѣе ссыльныхъ. Воображали, что тѣмъ уменьшать огласку. Объ этой мѣрѣ мнѣ писали друзья изъ Петербурга, болталъ съ пьяна въ кабацѣ и надзиратель, или писецъ и намъ передавали. Вообще, сколько мнѣ пришлось убѣдиться, канцелярская тайна такой же миѳъ, какъ и законность и порядокъ, представляемые бюрократіей. Яренскіе товарищи знали о моемъ дѣлѣ еще до писемъ отъ своихъ изъ Россіи. Одинъ политическій, бѣжавшій черезъ Швецію узналъ изъ шведскихъ газетъ и сообщилъ, увѣдомляя объ успѣхѣхъ бѣгства.

Всего болѣе интересовало меня впечатлѣніе письма на народъ, но мнѣ тогда пришлось собрать очень мало свѣдѣній, толкуя съ почтовыми ямщиками и сторожами почтовыхъ станцій. Губернаторъ перемѣнилъ свое рѣшеніе, и въ тотъ же вечеръ явился полицмейстеръ съ частнымъ торопить выѣздомъ, хотя пароходъ шелъ черезъ день. Полиція увѣрила, что черезъ три четыре дня не ранѣе пойдетъ первый пароходъ. Пришлось ѣхать на перекладныхъ до Тотьмы верстъ 200 слишкомъ. Пароходъ уходилъ черезъ день. И понятно, ямщики и встрѣчные на станціяхъ удивлялись почему это я не хотѣла и одного дня подождать въ Вологдѣ. Конечно, я объясняла причины и общій отзывъ о моемъ дѣлѣ былъ такой: да за что же ссылаютъ, вашей вины нѣтъ никакой. Когда я вернулась и поселилась въ усадьбѣ, гдѣ прежде жила каждое лѣто, знакомые крестьяне говорили слово въ слово: вашей вины нѣтъ никакой. Они понимали одно: человѣкъ высказалъ правду.

Вообще, сколько мнѣ приходилось наблюдать, политическая ссылка лучшее средство роднить населенію съ революціоннымъ движеніемъ. Ямщики и встрѣчные крестьяне при остановкахъ говорили, что всѣ ссыльные политики люди хорошіе, и на мое замѣчаніе, что всѣ люди могутъ быть и всякіе, убѣжденнымъ тономъ возражали: нѣтъ, всѣ хорошіе люди. Населеніе въ ссыльныхъ находило помощь, денежную — рѣдко. Большая часть сами

нуждались,—но знаніемъ, трудомъ. Кромѣ того они отъ ссыльныхъ учились видѣть въ себѣ равноправныхъ людей. А не только крестьяне и мѣщане, но и гласные и члены земской управы выносили нахально-грубое обращеніе исправника и губернскаго чиновника, присылаемаго на земскія собранія. Я слышала, какъ чиновникъ въ засѣданіи кричалъ на членовъ управы, какъ въ былое время помѣщикъ на крестьянъ. Разница была въ томъ, что не употреблялась брань.

Къ этой бессознательной пропагандѣ человѣчнаго обращенія, подкрѣпленной со стороны администраціи грубостью и попираніемъ личности мѣщанъ и крестьянъ, присоединялась и сознательная. Отставные солдаты отзывались, что политическихъ наказываютъ, какъ бывало, если въ полку подадутъ претензіи: зачинщиковъ въ арестантскую, а остальныхъ перепорютъ. Научныя теоріи не пойметъ человѣкъ, еле знающій грамоту: но практическіе уроки жизни пойметъ каждый неидіотъ. Этого не хотятъ понять люди системы тапши и не пушчай, мнящіе все видѣть черезъ своихъ шпіоновъ и все управить циркулярами, а если неповиновеніе, то тюрьмами, ссылками и пулями.

Соглядатаи, приставленные слѣдить за нами, предупреждали, когда исправнику вздумается посылать околодочнаго ночью справиться не ушли ли мы; и это не за мзду, а по добродушію. «Ни за что молъ людей погнали».

Кстати о шпіонахъ. Не знаю, парижскіе ли почтамтскіе чиновники или русскіе агенты Лондона или Парижа сослужили плохую службу русскому посольству съ моими изданіями. Когда появилось въ газетѣ «Фигаро» извѣстіе о письмѣ Александру III, посольство наше прислало опроверженіе въ такомъ смыслѣ, что не было никакой писательницы, пославшей письмо царю, а все подстроено лондонскими революціонерами. Оно слышало звонъ изъ Лондона. Передъ отъѣздомъ изъ Петербурга я поручила знакомой англичанкѣ, возвращавшейся въ Лондонъ, увезти рукопись «Тюрьмы» и, пріѣхавъ въ Парижъ, писала ей о высылкѣ мнѣ рукописи.

Лондонскіе революціонеры написали бы письмо въ иномъ

тонѣ. Но тонъ моего письма былъ, какъ говорили люди, побывавшіе въ англійскомъ парламентѣ, тономъ парламентской оппозиціонной рѣчи. Многіе толстовцы были недовольны тѣмъ, что въ тонѣ не было общечеловѣчной любви. Но гдѣ ее было взять въ нашей жизни? Самую вѣрную оцѣнку я слышала отъ товарища прокурора, допрашивавшаго меня: «Видно, что вы вотъ какъ держали себя въ рукахъ,—и онъ сжалъ руки, будто натягивая поводья,—чтобы писать спокойно».

Не смотря на сходство моего письма съ парламентской оппозиціонной рѣчью въ Англій, не во гнѣвъ будь сказано нашимъ охранителямъ самобытности, обвинявшимъ меня въ заразѣ тлетворнымъ духомъ запада, скажу, что и въ древней Руси бывали единичные протестанты, но больше въ формѣ религиозныхъ обличителей. Но и они были созданы тѣмъ же: невозможностью жить, не протестовавъ. XIX вѣкъ принесть одно новое, что протестовала женщина.

Іюль 1906.
Смоленскъ.